

«Камерный голосок»

Зависть, увы, в закулисы встречается не так уж редко. Совсем не случайно бытует здесь забавная коротенькая притча. Недавно принятый в труппу артист, только познакомившийся с коллегами, обращается к собратям по искусству: «Ну, и против кого будем дружить?» К сожалению, в этой шутке огромная доля правды. Поясню конкретным, абсолютно достоверным примером.

Тем летом в Кемерове, в здании Театра оперетты Кузбасса гастролировал молодой, не столь давно начавший жизнь театр оперы и балета одного из краевых сибирских центров. Знакомство с кузбасскими зрителями гости открывали оперой «Евгений Онегин». Естественно, зал был переполнен.

Откровенно говоря, больше по служебному журналистскому долгу, чем от жажды прикоснуться к классике пошёл ваш покорный слуга на открытие гастролей. Конечно, музыка великая. Но на своём веку я слышал немало «Онегиных» в признанных театрах различных городов. И чаще — разочаровывался. Понимал, конечно, что в опере главное — вокал. И пели артисты чаще всего отлично. Но внешне, по актёрски... Как-то грустно было видеть пышнотелую Ольгу («кокетка, ветреный ребёнок»), возрастного «ходульного» главного героя, низкорослого, зато многокилограммового Ленского... Ожидал встретиться с подобным и на этот раз.

Погас свет в зале. Слаженно, можно сказать задушевно прозвучала увертюра. Прошли первые эпизоды. Появился на сцене Онегин. Молодой, красивый. Его голос был удивительно чистым, на редкость искренним. Но главное даже не в этом. На сцене был Артист, не только вдохновенно исполняющий музыку Чайковского, но сердцем понимающий сложный характер, непростую душу пушкинского Евгения...

Зал сразу почувствовал это. Как-то притих. А в паузе грянул аплодисментами. И так продолжалось по всему ходу спектакля. Не хочу принизить никого из исполнителей партий, практически все они, или почти все работали вдохновенно. Может быть, не сознавая того, подтягивались до коллеги.

В антракте только и разговоров было, что о молодом талантливом Мастере. А когда отзвучали последние аккорды, когда задвинулся и вновь открылся занавес, все в зале, дружно аплодируя, встали и начали скандировать хором фамилию артиста, ставшего безусловным открытием первой встречи кемеровчан с новым коллективом.

Разумеется, после этого я направился за кулисы. По-

стучался в гримёрку. Увидел усталого парня, сидевшего у столика в белой, пропитанной потом на спине рубашке. Извинился за вторжение, представился, поблагодарил за спектакль. Выказал желание назавтра встретиться, поговорить. Мол, хочу написать о том, что видел и слышал. В ответ:

— Сразу после двух часов вам удобно будет?

— Да, конечно.

— Я живу в гостинице «Кузбасс». (Назвал номер). Жду. До завтра.

И очень по-дружески улыбнулся...

Надо ли говорить, что точно в назначенное время подошёл я к дверям того номера в гостинице. Артист меня ждал.

— Здравствуйте, я заказал чай. Сейчас принесут. Давайте познакомимся, — он протянул руку. — Дима.

— Илья.

Маленький одноместный номерок. Кровать, столик. Один стул, любезно предложенный гостю, сам хозяин присел на кровать. Тут и чай принесли.

Состоялся тёплый негромкий разговор. Диктофона у меня ещё не было, потому заносил всё услышанное в блокнот. О себе он говорил застенчиво, может быть, даже нехотя. В ответ на мои восторги:

— Да что — я! Только институт закончил. А в театр меня взяли, когда ещё на третьем курсе учился. Старшие товарищи помогают. У меня педагог в институте прекрасный — Екатерина Константиновна Иофель. Вот о ней обязательно скажите. Сколько она мне дала, как заставляла работать. Да если бы не Екатерина Константиновна, я бы ничего не умел. И сейчас беспокою её, часто обращаюсь за советами.

Сидел передо мной удивительно простой, обаятельный сибирский парень. Поговорили о прошлом, о будущем.

— А что? Буду в театре работать. У нас хороший театр, ко мне хорошо здесь относятся. Никуда уезжать из родного театра не собираюсь...

Заполнялись листки блокнота...

...Через два дня в областной газете «Кузбасс» был опубликован материал об открытии гастролей театра, о спектакле «Евгений Онегин» и, конечно же, об исполнителе заглавной партии. Автор не скрывал своего восхищения искусством талантливого артиста, блистательного вокалиста. Здесь же было небольшое интервью с ним.

А ещё через день в дверь моего редакционного кабинета резко, требовательно постучали.

— Войдите!

Дверь распахнулась. Цепочкой, друг за другом вошли четверо. Впереди — женщина, не юная, стройная, в туфлях на шпильках, с ярким макияжем на лице. За ней — высокий мужчина (светлые брюки, коричневый пиджак). Следом — ещё две женщины, одетые парадно. Не ожидая приглашения, все сели на стулья, что вдоль стены, напротив стола. В руке у женщины, вошедшей первой, — свёрнутая в трубку газета. (Узнал «Кузбасс»).

— Вы — Ляхов? — судя по всему, она была главной в этой делегации. — Мы к вам по поручению нашего театра оперы и балета, который гастролирует у вас!

— ?!

Она развернула газету, повернув в мою сторону четвертую полосу, где был опубликован тот самый материал. И... «пошла в атаку», театрально повысив голос:

— О ком вы пишете?! Об этом ничего не умеющем студентике? У него же никакого будущего! Маленький камерный голосок. Ему в театре вообще делать нечего! Вот о ком надо писать! — и разгорячённая дама положила руку на плечо рядом сидящего — единственного в пришедшей группе мужчины. Тот приподнял голову и как бы застенчиво оперным баском вымолвил:

— Ну зачем же про меня? У нас в коллективе немало хороших талантливых артистов. Про них и надо писать, не про этого же!

Наступающая «глава делегации» вновь взяла бразды правления в свои руки:

— Мы требуем опровержения!

Тут уж не выдержал я:

— Какого такого опровержения?

Теперь Она:

— Вы должны написать, что эта статья, — и женщина снова шлёпнула газетой по колену, — ошибочка. Посоветовались со специалистами и пришли к выводу, что этот зазнавшийся человек вообще профнепригоден! И рядом обязательно нужно напечатать статью о ком-то из наших лучших артистов!

Две женщины (явно артистки) молчали. Только согласно кивали головами в такт словам «лидерши».

— Простите, — я старался быть вежливым. — Какие «специалисты»? Кто «зазнавшийся»? Этот скромный, безусловно талантливый молодой человек?

— Кто талантливый? Да поговорите с режиссёрами, музыкантами, они вам скажут!

Окончание на 8-й стр.

«Камерный голосок»

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 7-Й СТР.

– Извините, – опять стараюсь пригасить актёрский пыл лидерши «делегатов». – Я сам – режиссёр музыкального театра. И у меня есть глаза и уши. И я верю в хорошее творческое будущее этого одарённого артиста.

– Значит, что, не будет опровержения в газете?

– Не будет.

– И вы считаете хорошим этот маленький камерный голосок? – ещё раз произнесла она формулировку, которая, видимо, очень ей нравилась.

– Считаю, что у него прекрасный баритон.

– Ну, хорошо, мы всё равно добьёмся справедливости. Дойдём до вашего главного редактора! Где у вас сидит главный редактор?

– Этажом ниже.

– Пошли! – скомандовала предводительница. Остальные, как по команде, встали и той же цепочкой вышли из кабинета.

Через несколько минут на моём столе зазвонил телефон внутренней связи. Голос редактора:

– Илья Яковлевич, срочно зайдите ко мне.

Вообще-то с шефом мы всегда были на «ты». И столь официальное обращение свидетельствовало о том, что у него в кабинете те самые визитёры. Спустился к редактору. Через приоткрытую дверь услышал знакомый голос: «Маленький камерный голосок!»

Короче, разговор был недолгим, начальство поддержало меня. И гости удалились, предварительно заявив голосом главной дамы:

– Всё равно мы добьёмся опровержения! Пойдём в обком партии и добьёмся!

Позднее я узнал, что она вместе с каким-то мужчиной «от дирекции театра» действительно была у секретаря обкома партии по пропаганде и агитации Петра Михайловича Дорофеева. Этот умный, интеллигентнейший человек рассказал о визите к нему той пары «от коллектива»:

– Я с ними долго не разговаривал. Ведь сам был на открытии гастролей. И сказал этим «делегатам», что мне очень понравился спектакль и особенно исполнитель партии Евгения Онегина. А ещё добавил, что такого прекрас-

ного певца у нас в Кузбассе, к сожалению, нет. Они извинились и ушли...

Остаётся лишь уточнить, что в то лето в Кемерове гастролировал Красноярский театр оперы и балета. Партию Евгения Онегина в спектакле, открывавшем гастроль, пел Дмитрий Хворостовский. Да, тот самый, представившийся мне Димой, впоследствии известный всей планете великий баритон, народный артист РФ, обладатель Гран-при самых престижных конкурсов вокалистов. Он так непростительно рано ушёл из жизни. Но мы сохраним память об этом потрясающем артисте и прекрасном человеке.

А имена и фамилии тех завистливых требователей газетного опровержения, именовавших воистину божественный голос певца «камерным голоском», называть не хочется. Да и кто их помнит?..

Зато театр родного города выдающегося певца, театр, где, будучи студентом, впервые вышел он на профессиональную сцену, теперь называется так: Красноярский театр оперы и балета имени Дмитрия Хворостовского.

Илья Ляхов.